
ЯНА ЮМАТОВА
Непрекрасная
Василиса
для злого босса

Яна Юматова

Непрекрасная Василиса для злого босса

«Автор»
2026

Юматова Я.

Непрекрасная Василиса для злого босса / Я. Юматова — «Автор», 2026

— Василиса Андреевна, вы не могли бы одеваться менее... сказочно?— Вам олени на моём свитере не нравятся?— Мне в принципе не нравится всё, что на вас надето!Не повезло мне с начальником! Красивый, богатый, холостой, а характер — хуже, чем у Кощея Бессмертного.Кофе ему подавай строго восемьдесят градусов, домашними котлетами не угощай, с советами не лезь. А ещё Богдан Аркадьевич категорически против служебных романов.Да я и не претендую! Мне бы убыточную фабрику ёлочных игрушек спасти да премию к Новому году заработать.Только у судьбы, кажется, на нас совсем другие планы...От автора: Сказка для взрослых девочек)

© Юматова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Яна Юматова
Непрекрасная Василиса для злого босса

Глава 1

Лифт дёргается, жалобно ухает и замирает где-то между третьим и четвёртым этажом.

— Приплыли, — сообщает мой попутчик, пожилой мужчина в потёртой серой дублёнке, и нажимает кнопку вызова диспетчера.

Никто не отвечает.

Лампочка под потолком мигает, раздумывая, стоит ли ей ради нас стараться.

Я прижимаю к груди папку с резюме и прикидываю, что опаздываю на собеседование уже на семь минут. Хотя меня, судя по взгляду девушки на ресепшене, вычеркнули из списка кандидатов ещё на входе.

Сегодня на мне лучшее, что нашлось в шкафу: юбка в складку до самых щиколоток, свитер с оленями и серое драповое пальто, которое свекровь называла «достойным».

— Бывшая свекровь! — тут же поправляю себя мысленно.

— Это надолго, — старик стаскивает ушанку и обмахивается ею. — Я в этом лифте ещё в девяносто восьмом сидел. Тогда два часа ждали.

— Два часа?! — ахаю я и от ужаса улыбаюсь.

Это моя главная ошибка последних пяти месяцев. Улыбаться мне теперь противопоказано. Подруга Лара называет мою улыбку «красотой будущего», а я называю её «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы». Металлические брекеты сверху и снизу, да ещё с зелёными резиночками. Лара сказала, что зелёный – цвет надежды.

Старик разглядывает мои зубы с интересом, но без отвращения.

— Это у тебя что, брекеты? Я думал, их только школьникам ставят.

— В тридцать шесть тоже, — вздыхаю я. — Это мой кризис среднего возраста. Нормальные женщины после развода летят на Бали, а я вот — инвестирую в себя, — повторяю слова подруги.

За подобную шутку я получила бы от мужа выговор. Виталик вечно боялся, что я ляпну что-нибудь при посторонних, а Зинаида Матвеевна любила повторять, что женщине с таким длинным языком вообще замуж выходить противопоказано.

А мой товарищ по несчастью лишь хмыкает в седые усы. Он высокий и широкоплечий, только спина чуть сутулится, а лицо такое, словно он полжизни простоял на ветру. Наверное, сторож или водитель. Видавшая виды серая дублёнка застёгнута на две пуговицы из трёх, а на месте верхней торчат нитки.

— У вас пуговица оторвалась, — замечаю я.

— Да знаю. Утром ещё. За дверцу машины зацепился, — сетует старик. —Давно пора выбросить эту рухлядь, да привык я к ней.

— А сама пуговица есть?

Он удивлённо лезет в карман и достаёт крупную коричневую пуговицу. Я молча открываю сумку.

В моей сумке живёт всё. Двенадцать лет брака с Виталиком Кочетковым и его мамой Зинаидой Матвеевной научили меня быть готовой к любым поворотам судьбы. Нитки трёх цветов, иголки, булавки, валидол для свекрови, пластырь и жвачка для свёкра, который бросает курить последние десять лет. Теперь к этому набору добавились зубная щётка, ёршик и зеркальце, потому что брекеты собирают на себя всё, что я ем.

— Снимайте, — киваю я на дублёнку.

— Девушка, вы серьёзно?

— Нам всё равно ещё два часа тут куковать, — пожимаю я плечами. — Проведём время с пользой.

Старик смеётся густым басом и послушно стягивает дублёнку. Под ней оказывается вполне приличный кашемировый свитер. Видимо, сторожам здесь неплохо платят.

Я усаживаюсь прямо на свою папку на полу и начинаю пришивать пуговицу. Иголка привычно мелькает в пальцах. За двенадцать лет я пришила столько пуговиц на рубашки Виталика, что могла бы открыть ателье. Жаль только, что последнюю его рубашку расстёгивала уже другая женщина.

— Муж-то есть? — интересуется старик, прислоняясь к стенке напротив.

— Муж объелся груш, — фыркаю я и добавляю, — развелись мы летом.

— Пил?

— Хуже. Влюбился в стриптизёршу.

— О, как! — крякает дед.

— Ага, — хмыкаю я. — Причём о большой и светлой любви моего благоверного я узнала вместе со всей его роднёй. На юбилее свекрови.

— Это как же?

— Виталик решил показать гостям семейные фотографии. Подключил телефон к телевизору, а там после шашлыков на даче пошло видео, где эта стриптизёрша у него на коленях танцует. Зинаида Матвеевна потом сказала, что мужчине необходима разрядка, а я сама виновата, потому что у меня пироги плохо поднимаются.

— И что, даже не поругала сына? — удивляется он.

— За видео поругала. Мог бы, говорит, и в другой папке хранить, — я качаю головой и даже улыбаюсь, хотя несколько месяцев назад мне было совсем не до смеха. Тогда я прорыдала у Лары на кухне всю ночь, а утром она объявила, что новая жизнь начинается с красивой улыбки.

Ларка у меня ортодонт. Другой специалист, наверное, посоветовал бы сменить причёску...

— А к нам зачем пожаловала? — отсмеявшись, спрашивает старик.

— На собеседование. Здесь экономист требуется. Я ведь до замужества три года работала в плановом отделе, а потом свекровь убедила моего мужа, что жена должна заниматься домом. У них семейный автосервис, бухгалтерию которого я и вела все эти годы. Бесплатно, разумеется. Зинаида Матвеевна считала, что брать деньги с родных людей безнравственно, — я снова качаю головой, мысленно ругая себя за то, что позволяла собой помыкать.

— А кормить тебя на что полагалось?

— На деньги родных людей. С этим у неё никаких нравственных противоречий не возникало.

— И чего ж ты именно к нам пришла? Автосервисов в Москве полно, — продолжает расспрос старик, с интересом поглядывая, как я управляюсь с иголкой.

— Это же фабрика ёлочных игрушек! — я поднимаю на него глаза и снова забываю, что мне нельзя улыбаться. — Моя бабушка была расписчицей на стекольном заводе в Клину. Я в детстве засыпала у неё на рабочем столе среди шариков. Подумала, раз уж начинать жизнь заново, то там, где творят волшебство. Только у вас здесь не то что волшебством, даже Новым годом не пахнет. В холле на витринах одни пластиковые шары с китайским штрихкодом, — невольно произношу это с осуждением.

Старик вдруг перестаёт улыбаться и смотрит на меня так внимательно, что я смущаюсь, перекусываю нитку и протягиваю ему дублёнку.

— Готово. Теперь не оторвётся.

Лифт тут же вздрагивает и ползёт вверх, как будто только и ждал, когда я закончу. Двери разъезжаются на пятом этаже.

— Как тебя звать, девица-красавица? — спрашивает старик, застёгиваясь на все пуговицы.

— Василиса, — и сразу же добавляю девичью фамилию, которую вернула сразу после развода. — Колокольцева.

— Василиса, проводи старика до кабинета. Тут недалеко.

Возражать я не решаюсь. На собеседование опаздываю уже на двадцать пять минут, так что терять мне нечего.

Мы проходим по длинному коридору, увешанному чёрно-белыми фотографиями фабричных цехов. Невольно замедляю шаг возле снимка, на котором женщины в белых халатах сидят за длинным столом, уставленным стеклянными фигурками. Прямо картинка из моего детства: бабушка носила точно такой же халат.

Перед дверью с табличкой «Приёмная генерального директора» я застываю с тревожным предчувствием.

Мой спутник в дублёнке смело толкает дверь и входит, ничуть не смутившись перед начальством. Юркаю за ним.

За столом в приёмной сидит длинноногая блондинка и красит ногти перламутровым лаком. При виде моего спутника она подскакивает и прячет флакончик в ящик стола.

— Аркадий Львович! Здравствуйте! А Богдан Аркадьевич занят!

— Сейчас проверим, — бросает старик и распахивает дверь в кабинет.

Меня он при этом крепко держит под локоть, так что в кабинет я влетаю вслед за ним.

За огромным письменным столом сидит мужчина, при виде которого я невольно втягиваю живот. Не то чтобы у меня имелся выдающийся живот, но в присутствии таких мужчин хочется немедленно улучшить всё, что поддаётся улучшению.

На вид ему около сорока. Седина на висках ничуть его не портит, а белая рубашка с расстёгнутым воротом удивительно идёт к смуглому лицу.

Он поднимает глаза от монитора, и его брови медленно ползут вверх.

— Пап, ты чего без звонка? — спрашивает он, не сводя глаз с моих оленей. — И кто это?

Пап?!

Смотрю на человека, которому только что пришивала пуговицу, и с ужасом вспоминаю всё, что успела ему рассказать.

Какой позор!

Жаль, что я не умею телепортироваться.

Или проваливаться сквозь землю...

— Это твоя новая помощница, Богдан, — объявляет Аркадий Львович и подталкивает меня в спину. — Оформляй.

Глава 2

Царёв

Есть в жизни вещи, к которым невозможно подготовиться. Например, налоговая проверка под Новый год. Или отец, который без звонка вламывается в мой кабинет с пугалом огородным в свитере с оленями.

— Пап, давай поговорим наедине, — предлагаю я, не в силах оторвать взгляд от этого... м-м-м... чуда.

— Поговорим, — соглашается отец. — Василисушка, подожди в приёмной. Снежана, налей девушке чаю.

Женщина послушно выходит, а отец садится в кресло напротив, не снимая дублёнки. Он всегда так делает, когда собирается сказать что-то серьёзное. Будто показывает, что он тут ненадолго, но слова его будешь помнить до конца жизни.

— Слушаю, пап, — откидываюсь я на спинку кресла.

— Отчёт за третий квартал получил, — отец кладёт на стол ушанку. — Это я тебя слушаю, сын. Десять миллионов убытков за последние три года. И я пока не вижу никаких признаков того, что положение изменится.

— Рынок меняется, пап. Содержание собственного производства обходилось нам дороже, чем закупка готовой продукции. Ты прекрасно знаешь, сколько мы теряли на каждом заказе. Я закупил...

— Ты закупил китайский пластик и наклеил на него мою марку, — перебивает отец. — Расписной цех закрыл. Китайские шары, Богдан, любой дурак может привезти, а таких игрушек, какие делали мои мастерицы, больше ни у кого не было.

— Потому что мало кто готов платить полторы тысячи за ёлочный шар. Покупателю проще за эти деньги целую ёлку нарядить.

— Значит, ищи другого покупателя! Ты же у меня бизнесмен, в Лондоне учился. Или я зря столько денег на твоё образование потратил? В приёмной у тебя уже пятая за год Снежаночка с ногтями.

— Она хорошо справляется.

— С чем? С лаком? — отец усмехается. — Я не слепой, Богдан. Ты их по длине ног подбираешь.

Насчёт Снежаны отец отчасти прав. Я взял её, потому что она хорошо смотрится в приёмной, когда приезжают партнёры. Только ничего, кроме этого, между нами не было и не будет. Я никогда не сплю с подчинёнными. Это одно из немногих правил, которые я соблюдаю свято.

Второе правило — никакой семьи. Мне было десять, когда мама ушла от нас к питерскому банкиру. Она поцеловала меня в макушку, сказала, что я уже большой и всё пойму, и уехала на такси. Отец после этого полгода ночевал в цеху на раскладушке. Я тогда решил, что никого не подпущу к себе настолько близко, чтобы потом спать на раскладушке.

— Чего ты хочешь, пап? — устало спрашиваю я.

— Не я. Это ты контрольный пакет акций хотел получить к Новому году, — отец сверлит меня взглядом.

— Мы же с тобой договорились, — подкатывает злость.

— Это было так — вилами по воде писано, — отец делает неопределённый жест рукой. — Вот мои условия: к концу года фабрика должна начать приносить прибыль. Я не требую, чтобы ты за оставшиеся два с половиной месяца покрыл все убытки, но хочу видеть, что предприятие способно зарабатывать. И Василиса будет твоей помощницей. Уволишь её или доведёшь до того, что сама заявление напишет, можешь забыть о моих акциях. Не справишься с фабрикой — перепишу завещание. Фабрику отдам городу, деньги — детским домам.

— Ты шутишь?

— Я похож на шутника? Мне семьдесят два, Богдан. Я хочу перед смертью увидеть, что ты не угробил дело, которое я сорок лет строил. А ещё я хочу внуков, но об этом, видимо, мне придётся просить уже с того света.

— Пап, она же... — я ищу подходящее слово и не нахожу. — Пугало в свитере с оленями!

— Зато с экономическим образованием. Двенадцать лет бухгалтерию семейного предприятия вела. Между прочим, первый человек за последнее время, который пришёл на мою фабрику потому, что любит ёлочные игрушки. Бабушка у неё расписчицей в Клину работала.

— Так и возьми её экономистом, — вспыхиваю я.

Руки чешутся что-нибудь разбить, но при отце я этого не сделаю. Приходится обуздать свой гнев, шагая из одного конца кабинета в другой.

— Экономистов тут хватает, а вот толковой помощницы у моего топ-менеджера, как я погляжу, нет. Она мне, между прочим, в застрявшем лифте пуговицу пришила, — отец с гордостью демонстрирует верхнюю пуговицу дублёнки. — Такая помощница — на вес золота.

— Очень трогательно, — иронизирую я. — Надеюсь, наличие швейных принадлежностей в сумочке не стало решающим аргументом?

Отец оставляет мой вопрос без ответа, поднимается из кресла, берёт свою дурацкую ушанку и выходит в приёмную. Приходится идти следом.

— Снежанка, собирай вещи, — распоряжается отец. — С завтрашнего дня будешь работать в бухгалтерии.

— В бухгалтерии?! — Снежана смотрит на отца так, словно он только что предложил ей мыть общественные туалеты.

— А что тебя не устраивает? Можешь заявление по собственному написать, коли не подходит бухгалтерия.

Снежана бросает на меня умоляющий взгляд, но я предпочитаю не вмешиваться.

— Василиса, а какой оклад обещали на должности экономиста? — обращается отец к женщине с оленями.

— Восемьдесят тысяч, — чётко выдаёт она.

— Хм. Восемьдесят на руки плюс премия, — чуть задумавшись говорит отец. — Как раз Богдан Аркадьич подлатает дыры и премию выпишет всем. Да, сын?

Я лишь сжимаю челюсти, чтобы не сказать что-то резкое.

— Но я никогда не работала помощником руководителя, Аркадий Львович. Вдруг не справлюсь? — лепечет она.

— Справишься, Василисушка.

— Спасибо вам большое, — она смущённо улыбается. — Вы даже не представляете, как мне сейчас нужна работа.

— Ну вот и договорились!

Отец, чрезвычайно довольный собой, направляется к выходу.

Возвращаюсь в кабинет и подхожу к окну. Внизу во дворе отец усаживается в свою старую «Волгу», которую отказывается менять уже двадцать лет. Октябрьский дождь барабанит по жестяному козырьку над проходной, ветер гоняет по асфальту мокрые листья.

Не было печали. Теперь ещё придётся объяснять бывшей домохозяйке, чем занимается генеральный директор и зачем ему вообще нужна помощница.

Ладно, до Нового года не так долго. Я выдерживал переговоры с китайцами по четырнадцать часов, выдержу и тётушку с оленями. Посажу её в приёмной, дам перекладывать бумажки, и пусть себе вяжет носки.

Когда выхожу из кабинета, Снежана с покрасневшими глазами сгребает в коробку свои флакончики.

— Василиса... — я понимаю, что не знаю её отчества.

— Андреевна, — подсказывает она и вопросительно смотрит на меня.

— Василиса Андреевна, давайте сразу договоримся. Ваша задача — отвечать на звонки и не мешать мне работать. Кофе я пью чёрный, без сахара. В кабинет без стука не входить. Вопросы есть?

Она поднимается с дивана. Ростом она мне едва по плечо, а под бесформенным свитером невозможно понять, есть ли у неё фигура вообще. Волосы стянуты на затылке в тугой пучок, на лице ни грамма косметики. Господи, у неё что там — брекеты что ли?!

Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Один вопрос, Богдан Аркадьевич, — она слегка хмурится, а потом смотрит прямо мне в глаза. — Ваш отец сказал, что я теперь ваша помощница. А в чём вам помогать, если вы не хотите, чтобы вам мешали?

А я вдруг ловлю себя на мысли, что глаза у этой странной женщины неожиданно яркие, зелёные, как бутылочное стекло на солнце.

— Помогайте молча, — ледяным тоном отвечаю я.

— Хорошо, — покладисто соглашается Василиса Андреевна. — А премия к Новому году у вас предусмотрена?

Господи, скорей бы Новый год...

Глава 3

Василиса

Две недели я работаю на самого невыносимого мужчину на свете.

Богдан Аркадьевич Царёв здоровается со мной кивком и за всё это время ни разу не похвалили меня. Зато нагоняй мне чуть ли не каждый день устраивает.

И всё из-за кофе!

В первый рабочий день я принесла ему чёрный без сахара, и он сказал, что слишком горячий. На следующий день я дала кофе немного остыть и получила замечание, что холодный кофе он не пьёт.

Пришлось принести из дома кулинарный термометр. Теперь я подаю Богдану Аркадьевичу кофе температурой ровно восемьдесят градусов. Претензий больше нет, слава богу.

А ведь мог бы заметить, что теперь в приёмной чистота и порядок.

Снежана записывала всё на разноцветных стикерах, которые клеила на монитор. Некоторые бумажки отклеивались и падали за стол, где я и обнаружила напоминание о встрече с поставщиком, назначенной ещё в августе.

Завожу электронное расписание, разбираюсь с корреспонденцией и обнаруживаю неоплаченные счета за поставку упаковочных материалов.

— Откуда вы это взяли? — хмурится Богдан Аркадьевич, когда я кладу документы ему на стол.

— Из папки «Разное». Там у вас ещё лежит приглашение на свадьбу двухлетней давности и рецепт пирога с капустой. Очень хороший рецепт, между прочим. Я, кажется, наконец поняла, почему у меня тесто плохо поднималось. Оказывается, масло нужно добавлять в самом конце замеса...

— Василиса Андреевна, вы сейчас о чём? — раздражённо прерывает босс.

— О пироге с капустой... — поправляю очки на носу.

— А я о счетах!

— Простите... — краснею до ушей.

Неловко как. Просто тесто — это моя боль.

Богдан Аркадьевич тяжело вздыхает и просит передать счета в бухгалтерию.

Ларка, слушая мои рассказы о начальнике, хохочет до слёз.

— Вась, он просто красивый козёл, — заключает она, разливая чай у себя на кухне. — Красивые — они все такие. Им кажется, что весь мир им обязан.

— Да не козёл он, — неожиданно для себя возражаю я. — Переживает за фабрику, работает допоздна. Я на днях забыла шарф и вернулась за ним, а Богдан Аркадьевич всё ещё в кабинете сидел. Даже не поужинал.

— Вась, только не вздумай таскать ему на работу котлеты в контейнерах!

Я виновато опускаю глаза.

— Что, уже?! — Ларка отставляет чашку.

— Всего лишь запеканку. Он, правда, не стал есть.

— И слава богу! А то через месяц ты бы ему уже рубашки гладила. Ну-ка, открой рот, — веслит Ларка, и я послушно открываю.

Она светит мне в рот фонариком от телефона и довольно кивает.

— Если всё пойдёт по плану, двадцать шестого декабря снимем брекеты. Буду твоей феей и превращу тебя к Новому году в Золушку, — Ларка улыбается, а потом вдруг хмурится. — Кстати, ты на работу в чём ходишь? Дресс-код какой?

— Да обычный дресс-код. Юбка да свитер, — отмахиваюсь я.

— Те, которые тебе Зинаида Матвеевна помогала выбирать? — скептичекси уточняет подруга.

— Ну да.

— Вась, тебе тридцать шесть, а не семьдесят! В выходные по магазинам пройдёмся, устроим «Снимите это немедленно».

— Вот получу первую зарплату...

Договорить не успеваю. Звонит Виталик. На экране высвечивается «Муж», и я с досадой вспоминаю, что так и не переименовала контакт.

— Вась, ты где? — голос у бывшего обиженный, словно это я ушла к стриптизёрше. — Мама спрашивает, ты на Новый год холодец будешь варить?

— Виталик, сейчас октябрь!

— Так она заранее хочет знать, сколько мяса заказывать.

— Мы с тобой развелись. Забыл? — от негодования аж очки сполают на кончик носа.

— Ну и что? Холодец-то никто не отменял. Анжелика не умеет. У неё ногти.

— У меня, представляешь, тоже!

Нажимаю отбой и возмущённо смотрю на телефон. Ларка забирает его у меня и принимается что-то исправлять.

Когда подруга возвращает мобильник, обнаружтваю, что теперь Виталик записан у меня как «Холодец».

Наутро Богдан Аркадьевич встречает меня в приёмной.

— Василиса Андреевна, сегодня поедете на склад в Клин. Нужно сверить фактические остатки с данными бухгалтерии. Меня интересует, что из имеющегося товара мы ещё можем реализовать до Нового года.

— Хорошо. А когда выезжать? — поправляю очки, а сама радуюсь, что вязла с собой обед, а не понадеялась на столовую.

— Машина внизу. Кладовщика я предупредил. И оденьтесь потеплее, там отопления нет.

К счастью, под длинной юбкой у меня шерстяные колготки. Зинаида Матвеевна всегда говорила, что женщина должна беречь придатки. Хоть один её совет оказался дельным.

Склад — это огромный ангар, заставленным коробками едва ли не до потолка. Кладовщик, невысокий старичок в валенках и стёганой жилетке, встречает меня у входа.

— Михаил Степанович, — представляется он и протягивает мне руку.

— Василиса Колокольцева.

— Колокольцева? — он внимательно меня разглядывает. — Погоди-ка, а бабушку твою случайно не Ниной звали?

— Да! А вы её знали? — радуюсь я.

— Да мы с ней лет двадцать в одном цеху проработали! Господи, какая ты взрослая уже!

Пока греемся чаем из термоса в его маленькой каморке, дядя Миша рассказывает, как бабушка расписывала Деда Мороза на шаре за семь минут. Как её ученицы потом перешли на фабрику Царёвых. И как три года назад молодой директор закрыл расписной цех.

— Жалко девчонок было. Там ведь половина ещё работать могла. Тамара Ильинична, например, до сих пор на дому расписывает. Внучкам да соседским ребятишкам на подарки.

Тамару Ильиничну я прекрасно помню. Она у бабушки училась и частенько угощала меня конфетами.

Мы с дядей Мишей принимаемся за работу. К обеду у меня уже замерзают ноги, а пальцы с трудом попадают по клавишам калькулятора.

— А там что? — показываю я на дальний угол ангара, где громоздятся деревянные ящики под брезентом.

— Заготовки стеклянные. Тысяч двадцать штук. Аркадий Львович не дал их списать. Богдану Аркадьевичу предлагали оптом продать, да цену за них такую давали, что перевозку не

окупишь. И формы старые там же: шишки, сосульки, кукуруза, космонавты. Всё, как советское время было.

Дядя Миша помогает мне снять брезент и открывает один из ящиков. Внутри, переложенные мягкой бумагой, лежат прозрачные стеклянные шары.

Осторожно беру один в руки и невольно вспоминаю бабушкину ёлку. Под самым потолком у неё висела стеклянная ракета, которую дед каждый год водружал на верхнюю ветку. А ниже красовались грибы на прищепках, румяные яблоки, серебристые шишки и смешной Чиполлино с зелёным хвостиком.

Сколько бы я сейчас отдала за такую коробку игрушек!

— Дядь Миш, а расписчицы между собой общаются? — в голове вспыхивает идея.

— Конечно. Они ж столько лет вместе проработали.

— А телефон Тамары Ильиничны у вас есть?

— Сейчас найдём.

До конца рабочего дня сверяем остатки по складским ведомостям, вскрываем коробки, проверяем товар на наличие брака. Заодно выясняю, что вместе со стеклянными заготовками на складе сохранились металлические колпачки с петельками для подвешивания игрушек и даже часть старой упаковки.

Домой возвращаюсь уже затемно. У меня в сумке складские документы, список стеклянных заготовок и номера телефонов бывших работниц фабрики.

Ставлю чайник, переодеваюсь в махровый домашний халат и открываю ноутбук. На сайтах магазинов нахожу стеклянные игрушки ручной работы. Цены впечатляют, а некоторые коллекции уже распроданы, хотя до Нового года ещё два месяца.

Звоню Тамаре Ильиничне. Она очень радуется моему звонку, расспрашивает о жизни и, узнав о разводе, принимается сватать мне своего племянника.

— Хороший мужик, Васенька. Руки золотые. Свой дом в Солнечногорске, банька имеется. Только вот с жёнами ему не везёт.

— А сколько их у него было? — вырывается у меня.

— Четыре...

Синяя борода прям... Б-р-р!

Еле удаётся перевести разговор на ёлочные игрушки.

Выясняю, сколько стоят краски и лак, сколько игрушек опытная мастерица может расписать за рабочий день и за какую плату женщины согласились бы вернуться на фабрику.

Тамара Ильинична обещает обзвонить подруг и уже завтра сообщить мне, кто из них готов взяться за работу.

Потом открываю старые производственные отчёты, которые накануне поездки в Клин запросила в бухгалтерии. Если не возобновлять стекольное производство, а использовать имеющиеся заготовки, расходы на выпуск первой партии игрушек окажутся вполне посильными для фабрики. Главное — найти покупателей.

К трём часам утра у меня готовы предварительные расчёты себестоимости, варианты розничных и оптовых цен и предложение по выпуску новогодней коллекции.

Остаётся самое сложное — уговорить Богдана Аркадьевича всё это прочитать.

Утром, дождавшись, когда начальник допьёт кофе, кладу перед ним папку.

— Что это? — он недовольно отодвигает чашку.

— Предложение по выпуску новой коллекции ёлочных игрушек. Я вчера на складе обнаружила двадцать тысяч стеклянных заготовок.

— Они там третий год лежат, Василиса Андреевна.

— Так ведь на них можно заработать! Я всё посчитала.

Он читает заголовок, морщится и, даже не удосужившись перевернуть страницу, отправляет мою бессонную ночь в корзину для бумаг.

— «Ретро-коллекция»? Василиса Андреевна, у нас здесь не кружок по интересам. Идите работать.

До чего же обидно!

Я ведь полночи просидела над этими расчётами. Даже бельё из стиральной машины вынуть забыла.

Наклоняюсь, достаю листы из корзины, разглаживаю их ладонью и снова кладу перед ним.

— Прочитайте хотя бы вторую страницу, Богдан Аркадьевич, — прошу я. — Там расчёты. Если я где-то ошиблась, скажите. Я исправлю.

— Вы уволены, — цедит он сквозь зубы.

У меня перехватывает дыхание.

Вот и поработала. Даже до первой зарплаты не дотянула. А как теперь в глаза Аркадию Львовичу смотреть? Он ведь на меня так рассчитывал.

— Извините, — бормочу я и направляюсь к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.